

ПАМЯТЬ КАК КАТЕГОРИЯ РИТОРИКИ

И.Ю. Чистякова

Память есть совершенное
и крепкое в разум
взятие вещей словесных.
«Риторика 1620 г.»

В статье анализируется память как четвертая составляющая риторического канона. Автор обращается к опыту древних ученых и раторов и пытается сопоставить их с размышлениями современных говорящих личностей.

The article analyses memory as the fourth component of rhetorical canon. The author refers to the experience of ancient scholars and speakers and tries to match them with the thinking of modern speaking individuals.

Ключевые слова: риторика, ритор, риторический канон, декламация.

Key words: rhetoric, speaker, rhetoric canon, declamation.

Проблема памяти издавна привлекала внимание исследователей – философов, филологов, историков. Так, древние греки изучали память как составляющую риторического канона, четвертую его часть (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*). Их интересовала техническая функция памяти – способность воспроизводить опыт прошлого. «Прекрасно все памятное, – писал Стагирит Аристотель, – и чем вещь памятнее, тем она прекраснее» [2, с. 133]. Интересно, что греков отличало неодолимое стремление к состязаниям во всех сферах жизни, будь то Олимпийские игры или публичные философские диспуты, сочинение поэм или декламирование их наизусть.

В Древней Греции разрабатывались секреты запоминания текста для актеров и раторов. Известно, что римский оратор Гортензий, по упоминанию М.Ф. Квинтилиана, как-то после многочасового аукциона перечислил без ошибок, в правильной последовательности все выставленные на продажу вещи, их цены и покупателей. Стагирит Аристотель утверждал, что мышление невозможно без конкретных образных представлений, память же состоит из запечатленных образов. Уже во времена Античности советовали развивать как зрительную, так и ассоциативную память. Природной, или естественной, памяти публичному оратору было недостаточно. Путем специальных тренировок древние раторы развивали искусную память. Убедительной иллюстрацией тому была жизнь знаменитого Демосфена. «Запоминая речи, которые ему довелось услышать, он затем восстанавливал ход рассуждений и периоды, он повторял слова, сказанные другими или же им самим, и придумывал всевозможные поправки и способы выразить ту же мысль иначе» [4, с. 62]. Современники считали его звездой в ораторской элите античности. Его чтили греки и римляне и почитали другие народы. Цицерон завещал учиться у него, а англичане видели в нем выдающийся прообраз парламентского оратора.

Традиционно память еще в классическое античное время трактовалась как творчески осмысленное глубинное понимание текста, его переживание, настрой души. В связи с этим перечислим некоторые риторические упражнения, совершенствующие ораторскую память:

1) заучивание наизусть и осмысленное проговаривание высказывания в разных текстовых вариациях с целью обогащения идейной и словесной памяти ратора;

2) импровизированное устное воспроизведение высказывания в разных воображаемых ритором ситуациях общения;

3) чтение наизусть вслух стихотворных произведений с точным их воспроизведением;

4) импровизированное воспроизведение высказывания с опорой на картинные образы, символы, впечатления, ассоциации и предметы культурной памяти.

При этом важно помнить, что хороший оратор заучивает не фразы, а ход мыслей, общее содержание речи, общие места (топы), музыкальное построение высказывания. В связи с этим возникают вопросы. Почему у каждой говорящей личности формируется своя культурная память? Какие свидетельства о памяти хранит наука? Как время и место влияют на память, на отбор событий и имен?

Интересные размышления по этому поводу находим в статье А.П. Чехова от 1893 г. «Хорошая новость» об открытии нового курса – Декламации – в Московском государственном университете. Способность к воспроизведению опыта прошлого, хранению информации о вещах, именах и событиях – одно из основных качеств говорящей личности. Неслучайно в русской речевой культуре закрепляются идиоматические выражения «живая память», «вечная память» и «память сердца», рассматриваемая в науке как эмоциональная память чувств и способствующая развитию образной и словесно-логической памяти. Вспомним рассказ И.Л. Андроникова о феноменальной памяти И.И. Соллертинского, блестящий словесный стиль которого формировался под воздействием природной памяти: «Память у него была просто непостижимая. Если перед ним открывали книгу, которой он никогда не читал и даже видеть не мог, – он, мельком взглянув на страницы, бегло перелистав их, возвращал говоря: "Проверь". И какую бы страницу ему ни назвали, – произносил наизусть!». В статье «О Соллертинском всерьез» Ираклий Луарсабович рассказывает об искусстве чтения лекций Соллертинским в разных областях науки и искусства, о широкой эрудиции великолепного ученого и ратора, обладающего поистине энциклопедическими знаниями и феноменальной памятью.

Какие же еще секреты работы над памятью предлагает нам риторическое учение? Например, хрестоматийное упоминание о следующем историческом факте: М.Т. Цицерон заучивал речи, мысленно гуляя по своему дому. Вступление ассоциировалось с входной дверью, тезис речи – с прихожей, другие части – с комнатами дома, менее значимые положения он связывал с различными предметами интерьера. Внимание, сила воображения, умение отбирать, систематизировать и воспроизводить идеи способствовали рождению образцовых речей великого ратора классической эпохи. М.Т. Цицерон восхвалял память Симонида, Феодекта, Кинея, Гортензия и даже писал о памяти простых людей, об их умении и искусстве запоминать.

«Что такое память, нам не видно; но какова она – видно; а коли не это, то уж как она широка – заведомо видно. Так что же она? Может быть, мы вообразим в душе какую-то емкость, в которую, как в сосуд, стекаются все наши воспоминания? Но это нелепо: как она будет наполняться, и как представить себе такие очертания души, и вообще, что это за огромная получится емкость? Или, может быть, вообразить душу подобной воску, а память – следам

вещей, отпечатавшимся на воске? Но какие отпечатки могут оставлять слова и даже предметы, а главное – как безмерна должна быть величина этого воска, чтобы запечатлеть столько всего?» [5, с. 227–228]. Понятно, что речь идет о человеческой душе, о ее роли в формировании образцового высказывания. Позже духовные риторы, неоплатоники развивали идею божественной памяти. Память рассматривалась не как часть риторического канона, а как нечто целое: память, рассудок, воля, согласно Блаженному Августину, представляют собой образ Троицы в человеке.

В знаменитой «Исповеди» Августина Блаженного находим метафоризированные рассуждения о памяти: обширные дворцы памяти, кладовые памяти, укромные неопишуемые закоулки памяти, огромные палаты памяти, сокровищница памяти и др. В Средние века, начиная с XII в., в Европе появляются первые университеты. «Люди в средние века любили историю и думали исторически. Каждому новому событию они пытались найти аналогию в прошлом. Чтобы передать свой опыт будущим поколениям, они стремились как можно более точно и правдиво описать текущие события. Так создавались летописи и другие исторические сочинения» [3, с. 154]. В эпоху Ренессанса памяти приписывалась магическая функция. Признанными риториками того времени были Ф. Меланхтон, Ю.Ц. Скалигер, Г. Фосс, У.Ф. Гуттен и многие другие.

В христианской культуре память связана с традицией, наследованием. При этом важной составляющей здесь становится этос, связанный с местом, временем произношения речи и аудиторией, этика, представление о добре и зле, о грехах и добродетелях. На этой идеологической основе в конце XX в. было создано учение А.К. Михальской – о русском риторическом идеале. Русский риторический идеал рожден благоустраивающей силой природы и призван найти истину и изменить мир к лучшему. У каждого носителя языка существует представление об образцовой речи и о говорящей личности, отвечающей требованиям такой речи.

Очевидно, что искусству памяти следует учиться у актеров, декламаторов, чтецов, театральных деятелей и хороших рассказчиков, каким был И.Л. Андроников. Он много выступал в концертных залах, театрах, консерватории, на телевидении, блестяще произносил многочасовые монологи без всяких «бумажных» подсказок. Живой интерес образованной части общества, ее элиты вызывает телепередача «Линия жизни» на канале «Культура», когда в центре этого почти театрального действия оказывается Е. Вестник, В. Лановой, М. Ножкин, Т. Доронина, А. Баталов, В. Баринов, В. Зельдин – риторы, проповедующие духовные ценности, каждый со своим индивидуальным образцовым стилем и способностью диалектически мыслить, много и блестяще читать наизусть русскую и зарубежную классику.

Список литературы

1. Андроников И. Л. Избранные произведения : в 2 т. / И. Л. Андроников. – М. : Художественная литература, 1975. – Т. 2.
2. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб., 2000.
3. Волков А. А. Язык и мышление: Мировая загадка / А. А. Волков. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
4. Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи / Е. Н. Корнилова. – М. : Изд-во МГУ, 2002.
5. Цицерон М. Т. Избранные сочинения / М. Т. Цицерон. – М. : Художественная литература, 1975.